

А. В. МАЛИНОВ

ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ А.С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ И В.И. ЛАМАНСКИЙ

В статье рассматриваются отношения двух ученых, относящихся к разным поколениям: слависта В.И. Ламанского и историка А.С. Лаппо-Данилевского. Отмечается, что они придерживались разных идеологических и философских установок: славянофильство, с одной стороны, западничество, с другой. В то же время ученых объединял обобщенный подход к истории. Философия истории Ламанского продолжала историософию славянофилов и отчасти предвосхищала историческую концепцию евразийцев. Лаппо-Данилевский, напротив, сосредоточился на разработке теоретико-методологических и гносеологических вопросов исторической науки, ориентируясь на философские учения позитивизма и неокантианства. Общей их темой стала русская история XVIII в. Сближению Ламанского и Лаппо-Данилевского способствовала совместная работа в комиссиях Академии наук. Приводится сохранившаяся переписка ученых, позволяющая отчасти проследить детали их взаимоотношений.

Ключевые слова: *А.С. Лаппо-Данилевский, В.И. Ламанский, история, философия истории, университет, Академия наук, переписка, поколения, славянофильство*

Отношения А.С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) и В.И. Ламанского (1833–1914) еще не становились предметом специального рассмотрения. В обширной библиографии работ о Лаппо-Данилевском Ламанский упоминается крайне редко. Создается впечатление, что этих двух деятелей русской науки мало что связывало, хотя это далеко не так. Конечно, Ламанский и Лаппо-Данилевский принадлежали к разным поколениям ученых и даже придерживались различных мировоззренческих установок. Ламанский в открытую называл себя славянофилом, а для поколения, к которому принадлежал Лаппо-Данилевский, культурно-историческая идентификация на западников и славянофилов не была уже столь актуальной. Характер мышления, образ жизни, даже внешность Лаппо-Данилевского выдавали в нем русского европейца, больше всего, вероятно, симпатизировавшего взглядам западников на пути развития русской истории и культуры. По крайней мере, он не отделял Россию от европейской (западноевропейской) цивилизации и всячески старался поддерживать связи русской науки с европейским научным миром. Лаппо-Данилевский уже мог себе позволить смотреть на споры западников и славянофилов более отстраненно, как, например, на полемику между восточниками и западниками среди русских книжников XVII в.¹

Можно сказать, что Лаппо-Данилевский, как М.М. Ковалевский или П.Г. Виноградов, был «лицом» русской исторической и в целом социальной мысли на Западе: по его работам европейские ученые во мно-

¹ Диянов 2011.

гом судили о состоянии русской исторической науки. Впрочем, надо признать, что известность Лаппо-Данилевского до сих пор ограничивается почти исключительно русскоязычным научным контентом. Иное дело Ламанский, прямо противопоставлявший русскую цивилизацию или, в его терминологии, греко-славянский мир миру германо-романскому. Его известность в научных кругах ограничивалась славистами, преимущественно восточно-европейскими и австрийскими. Лишь латино-франко-итальянское издание архивных документов по истории Венеции нашло отклики в европейской науке². Однако, как и в случае с Лаппо-Данилевским, Ламанский упоминается почти исключительно в отечественных исследованиях. В основе теории Ламанского лежало не просто противопоставление, а конфронтация двух цивилизационных миров, не способных прийти к согласию. С этой стороны его взгляды вступали в противоречие даже с учением ранних славянофилов, например, А.С. Хомякова, полагавшего, что лишь знакомство с научными и культурными достижениями Европы является условием самобытного развития русской образованности и просвещения³.

Можно сказать, что, хотя Лаппо-Данилевский и не относил себя к последователям Хомякова, но отчасти старался привести в реальность славянофильский идеал самостоятельной и оригинальной русской науки, согласованно развивающейся с наукой западноевропейской. Достичь этого было тем сложнее, что область научных интересов самого Лаппо-Данилевского ограничивалась русской историей XVII–XVIII в., в изучении которой преобладание европейских концепций было не столь очевидно. Оставаясь европейцем по складу мышления и методологическим приемам исследования, Лаппо-Данилевский вынужден был искать свой путь в науке. Не будет преувеличением сказать, что в ученых Лаппо-Данилевский больше всего ценил самостоятельность мышления, смелость обобщений в сочетании с работоспособностью историковеда и архивиста. Всеми этими качествами в полной мере обладал Ламанский.

Знакомство двух ученых произошло в Санкт-Петербургском университете. В годы обучения Лаппо-Данилевского на историко-филологическом факультете Ламанский исправлял должность декана. Вероятно, тогда же были заложены основы того глубокого уважения, которое Лаппо-Данилевский испытывал к своему старшему товарищу. Уважение это базировалось, надо думать, в первую очередь на личных качествах Ламанского, человека принципиального и готового пожертвовать административной карьерой ради науки. В 1885 г. он покинул должность декана, не желая быть проводником министерской политики по

² «Secrets d'État de Venise. Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte Ottomane à la fin du XV-e et au XVI-e siècle. Documents, extraits, notices et études» (1884). См., напр.: Hirsch 1884.

³ Куприянов 2018b.

пересмотру положений университетского Устава 1863 г., а в 1899 г. окончательно оставил преподавание в Петербургском университете в знак протеста против увольнения Н.И. Кареева и И.М. Гревса.

Основной специальностью Ламанского была славистика, причем не столько славянская филология, сколько история славянских народов. Сам ученый считал себя больше историком, чем филологом. Многолетнее преподавание Ламанского в университете способствовало не только формированию научной школы, но и становлению истории славянства в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины.

Однако он проявил себя и на поприще русской историографии. Его ранние работы, преимущественно архивного характера, сосредоточились на русском XVIII в., в т.ч. истории Академии наук и М.В. Ломоносова. В фонде И.И. Срезневского в архиве РАН отложилось недатированное письмо Ламанского К.Н. Бестужеву-Рюмину, где он ссылаясь на свои работы по русской истории XVIII в.:

«В записке, которая у Григорьева, – писал он, – указаны почти все мои статьи и документы, напечатанные мною в Чтен<иях>, Архиве, Летописях Тихонравова. Взятые вместе, они может быть при известных натяжках докажут, что и моего меду капля есть в новейшем движении Русской литературы относительно знакомства с 18 в. и что мои якобы голословные рассуждения о Петербургском периоде (в ст<атье> о Лом<оносове> и Акад<емии>) были основаны на непосредственном знакомстве с источниками. Можно указать, что и печатно обо мне вспоминали с благодарностью Пекарский (I том). Не знаю, говорил ли обо мне Чистович, которому я много сообщил и указал для Феофана»⁴.

В письме упоминается список работ Ламанского, составленный К.Н. Бестужевым-Рюминым и В.И. Межовым. В том же фонде сохранился этот список, доведенный лишь до 1869 г.⁵ По косвенным свидетельствам из письма Ламанского (ссылка на новое издание Ф. Палацко-го 1869 г.) также следует, его можно датировать 1869 или 1870 г.

XVIII в. стал главной исследовательской темой и Лаппо-Данилевского, на протяжении двух десятков лет работавшего над докторской диссертацией «История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики». В конце жизни, перейдя на службу в Академию наук, Ламанский вновь вернулся к изучению XVIII столетия, а после смерти М.И. Сухомлинова с 1902 г. редактировал готовившееся собрание сочинений М.В. Ломоносова⁶. К сожалению, старческие недуги уже не позволили ему представить крупное исследование. Однако можно не сомневаться, что Лаппо-Данилевский внимательно следил за ходом работ своего академического коллеги. Более скрупулезное исследование, возможно, обнаружит и больше содержательных сов-

⁴ СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 209. Л. 1.

⁵ СПбФ АРАН. Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 330. Л. 1–10б.

⁶ Куприянов 2018а.

падений в изложении и интерпретации событий и личностей XVIII в., предпринятое Ламанским и Лаппо-Данилевским.

Уже первая, еще студенческая публикация Лаппо-Данилевского была откликом на издание Ламанским документов из венецианских архивов. Ламанский снабдил издание предисловием, написанным со славянофильских позиций, примечаниями и собственными исследованиями на французском языке. В рецензии на этот обширный труд Лаппо-Данилевский остановился лишь на тех его сюжетах, которые содержали сведения по «собственно русской истории». Вначале он кратко охарактеризовал архивные публикации известного византиниста Ф.И. Успенского – ученика Ламанского. Наибольшее внимание молодого историка привлекли те разделы книги Ламанского, в которых имелись упоминания о том, как венецианцы и римские папы искали союза с Москвой для привлечения ее к войне против турок, надеясь, что русские войска поддержат православное население Балкан и Кавказа. Рецензент также приводил сведения о существовании «умственного движения в западной Европе в пользу православия или греческой веры вообще»⁷ и повторял факты торговли русскими рабами, которые приводил Ламанский.

Еще одной точкой сближения двух ученых была философия истории. Оба они тяготели к теоретическим обобщениям. Впрочем, философия истории хорошо показывает и то, в чем они расходились. Философско-историческое учение Ламанского начало формироваться в первой половине 1860-х гг. и нашло законченное выражение в докторской диссертации «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (1871) и трактате «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892). Это учение Ламанского имеет содержательные параллели с теорией культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, оно может считаться развитием славянофильской историософии. Ламанский относил свою концепцию к области политической географии, показывая влияние природно-климатической среды на становление цивилизаций и ход исторического развития. Ключевым фактором формирования самобытной культуры он считал богатый литературный язык, а современную цивилизационную борьбу воспринимал как соперничество языков. В трактате Ламанского можно найти не только зачатки геополитики, но и идеи, которые позднее стали разрабатывать евразийцы.

Подход Лаппо-Данилевского к философии истории был иным. Если концепцию Ламанского следует отнести к области историологии (теории исторического процесса), то Лаппо-Данилевский, напротив, сосредоточился на разработке вопросов исторической гносеологии (методологии истории), что отчасти объяснялось необходимостью читать курс «Методологии истории» на историко-филологическом факультете. Од-

⁷ Лаппо-Данилевский 1884. С. 31.

нако, вероятно, Лаппо-Данилевский и сам тяготел к изучению, прежде всего, теоретико-методологических вопросов исторической науки. Ламанский, скорее всего, уже не мог оценить первые философско-исторические опыты Лаппо-Данилевского, которые были опубликованы, когда престарелый академик практически полностью отошел от дел.

Сочинения Лаппо-Данилевского и его переписка не содержат оценок славянофилов и их учения. Нет в них и рассуждений в славянофильском духе. Тем не менее, к славянофильствующей университетской профессуре он относился уважительно. Так, еще будучи студентом, Лаппо-Данилевский неоднократно посещал К.Н. Бестужева-Рюмина и, пожалуй, первым оценил его философско-теоретические наклонности. Необходимо также упомянуть убежденного славянофила О.Ф. Миллера: по его инициативе и под его руководством в университете было основано Научно-литературное общество, в котором во многом проходило интеллектуальное становление Лаппо-Данилевского. С почтением относился он и к Ламанскому – ближайшему другу Миллера еще со студенческих времен. В мае 1891 г., т.е. вскоре после начала преподавания, Лаппо-Данилевский писал М.А. Дьяконову: «на нашем факультете из старых профессоров – Ламанский человек хороший и стойкий. Васильевский тоже симпатичен кое в чем. С остальными не хочется иметь дела»⁸.

Избрание Ламанского в Академию наук в 1900 г. проходило уже при непосредственном участии Лаппо-Данилевского. Вероятно, это было первое голосование в Общем собрании АН, в котором он принимал участие. Голосование проходило 15 января 1900 г. Приказ же об утверждении Лаппо-Данилевского адъюнктом (с 4 декабря 1899 г.) вышел только 8 января 1900 г., а отношение министра народного просвещения на имя Августейшего Президента АН, согласно протоколу общего собрания АН, появилось лишь 15 января 1900 г., т.е. в день голосования⁹. Записку об ученых трудах Ламанского составлял академик А.А. Шахматов. Избрание Ламанского во многом соответствовало плану Лаппо-Данилевского по русификации Академии наук, т.е. избранию на освобождающиеся кафедры в первую очередь русских ученых вместо немецких. Сразу после голосования в Академии наук по кандидатуре Ламанского Лаппо-Данилевский первым приехал его поздравить, что отметил в своем дневнике новоизбранный академик. Подчеркнем еще раз, Лаппо-Данилевский не разделял славянофильских взглядов Ламанского, поэтому помимо личного уважения основой для такого поступка могло быть признание научных заслуг старого профессора.

С избранием Ламанского ординарным академиком начался наиболее плодотворный и тесный, хотя и не продолжительный, период их со-

⁸ Цит. по: Ростовцев 2004. С. 61.

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101. Л. 18 об.–19.

трудничества. Фонды Ламанского и Лаппо-Данилевского в Петербургском филиале архива РАН отчасти позволяют проследить хронологию их общения. К сожалению, переписка носила исключительно деловой характер, поскольку содержательные контакты сводились к личным беседам и обсуждениям в Отделении АН. В записках Лаппо-Данилевский чаще всего пытается согласовать даты заседаний различных академических комиссий, в которых он состоял вместе с Ламанским. Однако та же переписка показывает, что их сотрудничество началось значительно раньше избрания обоих в Академию наук, а именно в связи с участием в археологической комиссии. Письма были отправлены с домашних адресов Лаппо-Данилевского (10 линия В.О., д. 17, кв. 8 – 1893 г.; 9 линия В.О., д. 44 – 1904 г.; Николаевская набережная, д. 1 – после 1904 г.) на домашний адрес Ламанского – ул. Звенигородская, д. 32, кв. 1.

Первое из дошедших до нас писем не датировано. «Заседание Русского отделения можно назначить на четверг, 21-го января, – писал Лаппо-Данилевский. – Надеюсь, что этот день не окажется для Вас неудобным. 15-е число, которое Вы указывали мне при свидании, оказалось неудобным для второго референта: А.В. Половцова; он просил переместить заседание на неделю, на что согласился и наш председатель»¹⁰. Вскоре он вновь сообщал Ламанскому: «Опять без вины виноват перед Вами. Гр. Бобринский не располагает вечером 21-го, поэтому придется собраться 25-го января, в понедельник, если у Вас этот вечер будет свободен. Будьте добры, известите меня об этом возможно скорее»¹¹. В этом же послании он сетует на то, что не застал Ламанского в университете. Скорее всего, упомянутое заседание состоялось только в начале февраля 1903 г., о чем Лаппо-Данилевский извещал Ламанского 1 февраля 1903 г.: «Собрание Отделения Русской и Славянской Археологии назначено на пятницу 5-го февраля, о чем я уже говорил и Вам с неделю тому назад при случайной встрече. Начало собрания в 8 часов, причем надеюсь Вам не трудно будет читать *первому*, т<ак> к<ак> не хотелось бы давать первое место представлению с волшебным фонарем, которым Половцев думает открыть археологическую масляницу»¹².

Десятилетие спустя Лаппо-Данилевский привлек Ламанского к работе в академической комиссии по архивной реформе. 14 октября 1903 г. он отправил Ламанскому «открытое письмо» следующего содержания: «Вы просили напомнить Вам, что завтра 15-го в среду в 1½ д<ня> назначено заседание Комиссии об архивной реформе (до заседания Историко-Филологического Отделения, назначенного на 2 часа)»¹³. Вероятно к этому же заседанию может быть приурочено и недатированное пись-

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 10.

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 1.

¹² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 2.

¹³ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 3.

мо, в котором Лаппо-Данилевский обращался с просьбой: «Будьте добры пришлите с подательницей моего письма бумаги, касающиеся проекта архивной реформы. Если позволите, я принесу их завтра на заседание, назначенное Вами в 2 часа»¹⁴. В скором времени в «Известиях Академии наук» появилась «Записка А.С. Лаппо-Данилевского о деятельности губернских ученых архивных комиссий»¹⁵.

В письме от 16 марта 1904 г. он обращался к Ламанскому за консультацией: «Если позволите, я зайду к Вам в четверг между 3–5 или раньше 3-х с тем, чтобы воспользоваться Вашими указаниями относительно исторической Галиции в XIV в.; за них я буду Вам очень благодарен»¹⁶. Ламанский не оставил крупных и даже отдельных сочинений о Галиции, хотя неоднократно бывал там и поддерживал отношения с галицийскими москвофилами. Одна из первых публикаций Ламанского – компилятивный обзор статьи Циммермана из «Известий Венского географического общества», помещенный в 1859 г. в «Известиях Русского географического общества» без указания имени автора¹⁷. В скором времени (1861) Ламанский вступил в полемику с Н.Г. Чернышевским о литературном языке галицийских русинов¹⁸. В лекциях по истории славянских народов, которые Ламанский читал в университете, он также касался исторической судьбы русской Галиции. Безусловно, Лаппо-Данилевский мог рассчитывать воспользоваться не только знаниями, но и уникальной библиотекой Ламанского. Скорее всего, сведения о Галиции XIV в. были необходимы Лаппо-Данилевскому в связи с началом работы над изданием сборника «Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси» (СПб., 1907), включавшего статью историка «Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников» и ряд «заметок»¹⁹. Ламанский и сам прибегал к познаниям своего молодого сослуживца: в одном из недатированных писем Лаппо-Данилевский, отвечая на просьбу Ламанского, сообщал ему библиографию о «древнем янтаре», рекомендуя, в т.ч., исследование Р. Клебса²⁰. Интерес к русскому XVIII в. сближал двух историков, отчасти сглаживая мировоззренческие противоречия, но в опубликованном первом томе докторской диссертации Лаппо-Данилевского²¹ нет ссылок на работы Ламанского.

Одной из форм их совместной деятельности в Академии наук были заседания различных комиссий.

¹⁴ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 9.

¹⁵ Лаппо-Данилевский 1905.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 4.

¹⁷ Ламанский 1859.

¹⁸ Малинов 2018.

¹⁹ Лаппо-Данилевский 1907.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 8.

²¹ Лаппо-Данилевский 2005.

20 марта 1909 г. Лаппо-Данилевский писал Ламанскому:

Предлагаемую Вами тему, конечно, желательно иметь в виду для одной из премий; но на премию имени Шубинского мы можем только предлагать уже вышедшие в свет за последние 5 лет сочинения, преимущественно касающиеся рус<ской> истории XVIII-го века. Нет ли у Вас на примете такого сочинения?

В субботу мы поджидали Вас; заседание не состоялось, но мы решили предварительно частным образом навести справки о вышедших за последнее время трудах по рус<ской> истории, а затем уже собраться еще раз для окончательного решения.

Жалею, что в ближайшие дни не успею зайти к Вам, а потому и пишу Вам сегодня²².

Отголоском обсуждений в комиссии на премию С.Н. Шубинского, возможно, является и единственное письмо Ламанского, отложившееся в фонде Лаппо-Данилевского. Приведу его полностью.

«16 м[ая] 1909.

Многоуважаемый

Александр Сергеевич.

Не согласитесь ли Вы и Дьяконов М.А. на следующую тему: “Деятельность Прав<ительственного> Сената в царств<ование> Елис<аветы> Петровны” или просто “Пр<авительственный> Сен<ат> в ц<арствование> Ел<изаветы> П<етровны>”. Эта последняя Романова была ленива, правда, и мало образована, но умна и добра сердцем. Семилетняя война, уничтожение или отмена смертной казни, Московск<ий> Унив<ерситет>, покровительство Ломоносову, которого по настоянию Св. Синода и немецкой партии (за члена борьбы и за борьбу в ак<адемии> с Шумахером и др.) чуть было не сослали в Сибирь или не предали казни (докум<ент> напечатан мною в Русск<ой> Бес<еде>). О насильственной смерти Ел<изаветы> П<етровны> я привел несколько указаний в моих Вам известных Secrets d’Etat de Venise стр. 425–6. Покойный В. Гр. Васил<ьевский> мне говорил, что в одном засед<ании> съезда историк<ов> в Берл<ине> на пред<ложенный> вопрос Мин<истерству> (каф<едры?>) Нар<одного> Просв<ещения> (Прусс<кого>) отчего Правит<ельство> не продолжает издан<ие> писем Фридр<иха> II, был дан ответ: остановлено продолжение во избежание возможного недовольства и огорчения дружественной <неразб.> державы. Болотов в св<оих> зап<исках> (в моей кн<иге> стр. 425) и П. т. Баргеновск<ого> Арх<ива> гр. Воронцова) довольно ясно указал на насильственную смерть Ел<изаветы> П<етровны> (Фридр<их> II и Екат<ерина>).

Как бы то ни было, но царствование Елис<аветы> Петров<ны> и по внешним и по внутренним делам (Фон Визин, Болгин, Десницкий – воспитались и образовались при Елис<авете>).

Наконец отмена смертной казни – чего то стоит. Да и к Радищеву (он сам отнесся бы иначе к Елис<авете>, чем к Екат<ерине>) Елис<авета> отнеслась бы иначе, чем Екатерина. Она не любила и Ломоносова, но отнеслась к нему потом любезно, благодаря лишь настояния Орлова, человека не образованного, но как цельного и не глупого русского человека, умевшего ценить Ломоносова.

Как бы то ни было, но деятельность Сената при Елис<авете> Петр<овне> была самостоятельнее, чем при Ек<атерине> II.

Простите старческую болтовню.

Ваш В. Ламанский²³.

²² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 5–5 об.

Письмо выдает непоследовательность и незавершенность мыслей Ламанского. Он явно предлагает исследовательскую тему на одну из академических премий, но тут же по ходу изложения дает свою характеристику Елизаветы Петровны и ее правления. Предложение Ламанского не содержит исследовательской программы, а, скорее, выражает отношение к исторической личности и ее эпохе. Любопытно, что он характеризует императрицу Елизавету почти в тех же выражениях, что и в письме М.П. Погодину, написанному полувеком ранее²⁴.

Последнее датированное письмо Лаппо-Данилевского относится к 30 октября 1910 г. и вызвано необходимостью назначить заседание очередной премиальной комиссии:

«В Общем Собрании Академии 9 января с<его> г<ода> была образована комиссия для присуждения премии Симбирского дворянства, а 6-го ноября она должна представить доклад Общему же собранию о результатах конкурса.

Вы состоите членом этой комиссии, а потому я и решаюсь побеспокоить Вас просьбою сообщить, когда устроить нам собрание (до 6-го ноября). На будущей неделе 3-го ноября (в среду) назначено м<ежду> пр<очим> “Соединенное Собрание Отделений – Рус<ского> яз<ыка> и Слов<естности> и Историко-Филологического”. Не устроить ли нам заседание нашей комиссии в этот день в 1½, т.е. до соединенного Собрания? Если Вы согласны, я уведомя и других членов комиссии (они также должны быть 3-го). Если в ближайшую среду Вам неудобно, не откажите сообщить, когда нам собраться? М.А. Дьяконов, тоже член комиссии, к сожалению, живет за городом, и не всегда может быть; но на этой неделе он был в другой комиссии в пятницу.

Вернее было бы, однако, иметь в виду среду.

Во всяком случае, ожидаю от Вас указаний и жалею, что не могу лично побывать у Вас для того, чтобы сговориться: до среды еще много дел»²⁵.

Впрочем, были и менее формальные поводы для переписки. В одном из недатированных посланий Лаппо-Данилевский выражал благодарность «за присланные мне билеты и жалею, что не могу воспользоваться ими, т<ак> к<ак> поймал бронхит и избегаю пока посещать людные вечерние собрания. Билеты отослать не успел, ибо получил их в четверг днем»²⁶. Можно предположить, что живое общение двух ученых давало и другие примеры не только формальных и деловых отношений. На один из них указывал А.Е. Пресняков. По субботам на квартире Ламанского проходили собрания, в которых участвовали университетские ученые, приезжавшие в Петербург славянские политические деятели и ученые, музыканты. Субботние вечера нередко превращались в импровизированные концерты. В ближайший круг общения Ламанского входили М.А. Балакирев и Н.А. Римский-Корсаков, а пасынок Ламан-

²³ СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 3. Ед. хр. 209. Л. 2.

²⁴ Барсуков 1904. С. 373.

²⁵ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 6, 6об., 7, 7об.

²⁶ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 830. Л. 11.

ского Н.М. Штруп считался женихом дочери Римского-Корсакова (свадьба не состоялась из-за болезни Штрупа). Яркое описание «суббот» у Ламанского оставил его зять В.П. Семенов-Тянь-Шанский²⁷. А.Е. Пресняков был дружен с Семеновым-Тянь-Шанским, Штрупом с В.В. Ламанским (сыном Владимира Ивановича). По свидетельству Преснякова, Лаппо-Данилевский также посещал эти вечера²⁸.

В отечественную историографию оба историка вошли как основатели собственных научных школ²⁹. При этом Лаппо-Данилевский оказывал поддержку ученикам Ламанского как в университете, так и в Академии наук, добиваясь выделения им стипендий и т.п. В качестве примера приведу несколько выдержек из писем последнего университетского ученика Ламанского Н.В. Ястребова, узнавшего о решении своего учителя оставить преподавание и его избрании в Академию наук, находясь в заграничной командировке. Уже 8/20 февраля 1900 г. он сообщал ему из Вены: «телеграфировал, как было условлено, А.С. Лаппо-Данилевско>му; но пока из Академии ничего нет»³⁰. Речь шла о материальной поддержке молодого ученого, который был направлен университетом за границу для подготовки диссертации по славянской истории. Письмо Ястребова Ламанскому из Праги 10/23 июля 1901 г. дает представление о противостоянии на историко-филологическом факультете:

«То, что слышу от Ильинского о верховодстве в факультете Платонова и его близких (Форстена, Введенского и др.), не особенно утешает, принимая во внимание отношения Платонова ко мне, как человеку, близко стоящему к Вам и Л<аппо>-Данилевскому (к слову, последний недавно писал мне, что приедет из-под Дрездена в Прагу). А как Вы думаете, нужно будет мне обращаться к Платонову при ходатайстве о продлении командировки еще на ½ года? или довольно будет, чтобы Вы один и сами о том хлопотали? Ильинский рассказывает, Платонов сказал ему при отъезде: “Смотрите, помните: кто нас забывает, так тех и мы забываем”»³¹.

Ламанский не был антагонистом С.Ф. Платонова, но в борьбе факультетских партий числился на одной стороне с Лаппо-Данилевским. Н.В. Ястребов признавал, что обязан «всемерной поддержкой» В.Г. Васильевскому, А.С. Лаппо-Данилевскому и В.И. Ламанскому³².

Последним крупным издательским начинанием Лаппо-Данилевского в Академии наук стал сборник «Русская наука»³³, публикация которого растянулась на целое столетие³⁴. Интересно, что идея аналогич-

²⁷ Семенов-Тянь-Шанский 2009. С. 265–270, С. 442–443.

²⁸ Александр Евгеньевич Пресняков. 2005. С. 129.

²⁹ Лаптева 2005. С. 375–431; Ростовцев 2004. С. 295–297.

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 1606. Л. 12 об.

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 1606. Л. 84.

³² СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 1606. Л. 204 об.

³³ Смагина 2016; Малинов 2016; Корзун, Колеватов 2018.

³⁴ Судьба проекта «Русская наука». 2016.

ного проекта была высказана Ламанским в одной из его первых статей «О распространении знаний в России», опубликованной в журнале «Современник» в 1857 г. Ламанский сформулировал целую просветительскую программу, в т.ч. предложил создать «Общество Распространения Знаний», главную цель которого он видел в «издании полной русской энциклопедии наук, быть может, первой значительной лепте народа русского на скровищницу общечеловеческого просвещения»³⁵. Ламанский не смог реализовать свой проект. Уже после его смерти, Лаппо-Данилевский возглавил в 1916 г. академическую подкомиссию комиссии по подготовке сборника «Русская наука», идеология (в частности, восприятие науки как формы национального самосознания) и отчасти структура которого восходила к мыслям Ламанского. Было ли это совпадение сознательным выбором или следствием объективных потребностей отечественной науки, однозначно сказать трудно. Возможно, переписка Лаппо-Данилевского способна прояснить детали его замысла. Так же можно надеяться, что эпистолярное наследие ученого содержит дополнительные оценки личности и творчества Ламанского, реакцию на его работы или отклики на кончину старшего товарища.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 2. Оп. 17. Ед. хр. 101.
 Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 216. Оп. 3. Ед. хр. 209.
 Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 830.
 Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 35. Оп.1. Ед. хр. 1606.
 Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники 1889–1927. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2005. 968 с. [Aleksandr Evgen'evich Presnyakov. Pis'ma i dnevniki 1889–1927. SPb.: «Dmitrij Bulanin», 2005. 968 s.]
 Барсуков Н. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XVIII. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. 555 с. [Barsukov N. Zhizn' i trudy M.P. Pogodina. Kn. XVIII. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 1904. 555 s.]
 Диянов К.С. А.С. Лаппо-Данилевский о борьбе восточников с западниками // Вестник Омского университета. 2011. № 3 (61). С. 81–85 [Diyonov K.S. A.S. Lappo-Danilevskij o bor'be vostochnikov s zapadnikami // Vestnik Omskogo universiteta. 2011. № 3 (61). S. 81–85].
 Корзун В.П., Колеватов Д.М. Сборник «Русская наука»: к вопросу о причинах неудач великого замысла // Мир историка и пространство истории. Сб. статей к юбилею проф. Н.Н. Алеврас / Под ред. Н.В. Гришиной, Т.А. Андреевой. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 118–132 [Korzun V.P., Kolevatov D.M. Sbornik «Russkaya nauka»: k voprosu o prichinah neudach velikogo zamysla // Mir istorika i prostranstvo istorii. Sbornik statej k yubileyu professora N.N. Alevras. Pod red. N.V. Grishinoj, T.A. Andreevoj. CHelyabinsk: EHnciklopediya, 2018. S. 118–132].
 Куприянов В.А. Ломоносоведение в творчестве В.И. Ламанского // Вече. Журнал русской философии и культуры. 2018а. Вып. 30. С. 218–234 [Kupriyanov V.A. Lomonosovedenie v tvorchestve V.I. Lamanskogo // Veche. ZHurnal russkoj filosofii i kul'tury. 2018a. Vyp. 30. S. 218–234].
 Куприянов В.А. Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2. С. 21–33. [Kupriyanov V.A. Rossiya i Evropa v rannem i pozdnem slavyanofil'stve (A.S. Nomyakov i V.I. Lamanskij) // Solov'evskie issledovaniya. 2018b. № 2. S. 21–33.]

³⁵ Ламанский 1857. С. 39.

- Ламанский В.И. О распространении знаний в России // Современник. Литературный журнал. 1857. Т. LXIII. С. 1–46. [Lamanskij V.I. O rasprostranenii znanij v Rossii // Sovremennik. Literaturnyj zhurnal. 1857. T. LXIII. S. 1–46.]
- [Ламанский В.И.] Этнографический очерк восточной Галиции. Статья г. Циммермана // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Ч. XXVI. Отд. V. С. 83–92 [[Lamanskij V.I.] Etnograficheskiy ocherk vostochnoj Galicii. Stat'ya g. Cimmermana // Vestnik Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1859. CH. XXVI. Otd. V. S. 83–92].
- Лаппо-Данилевский А.С. Записка А.С.Лаппо-Данилевского о деятельности губернских ученых архивных комиссий // Известия Императорской Академии наук. V серия. Т. XXII. 1905. № 1. С. ОIII–OVII [Lappo-Danilevskij A.S. Zapiska A.S. Lappo-Danilevskogo o deyatelnosti gubernskih uchennyh arhivnyh komissij // Izvestiya Imperatorskoj Akademii nauk. V seriya. T. XXII. 1905. № 1. S. OIII–OVII].
- Лаппо-Данилевский А.С. Из старинных сношений России с западною Европой // ЖМНП. Ч. CCXXXIII. 1884. Май. С. 21–38. [Lappo-Danilevskij A.S. Iz starinnyh snoshenij Rossii s zapadnoyu Evropoj // ZhMNP. 1884. Maj. S. 21–38.]
- Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag Gmb&Cie, 2005. 462 с. [Lappo-Danilevskij A.S. Istoriya politicheskikh idej v Rossii v XVIII veke v svyazi s obshchem hodom ee kul'tury i politiki. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag Gmb&Cie, 2005. 462 s.]
- Лаппо-Данилевский А.С. Печати последних Галичско-Владимирских князей и их советников // Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси. СПб., 1907. С. 211–308 [Lappo-Danilevskij A.S. Pechati poslednih Galichsko-Vladimirskih knyazej i ih sovetnikov // Boleslav-YUrij II, knyaz' vsej Maloj Rusi. SPb., 1907. S. 211–308].
- Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М.: «Индрик», 2005. 848 с. [Lapteva L.P. Istoriya slavyanovedeniya v Rossii v XIX veke. M.: «Indrik», 2005. 848 s.]
- Малинов А.В. А.С. Лаппо-Данилевский и проект издания сборника «Русская наука» // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. № 2. С. 269–282 [Malinov A.V. A.S. Lappo-Danilevskij i proekt izdaniya sbornika «Russkaya nauka» // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. 2016. № 2. S. 269–282].
- Малинов А.В. В.И. Ламанский vs Н.Г. Чернышевский: из истории забытой полемики // Русин. 2018. № 2. С. 41–59 [Malinov A.V. V.I. Lamanskij vs N.G. Chernyshevskij: iz istorii zabytoj polemiki // Rusin. 2018. № 2. S. 41–59].
- Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань: НИИР, 2004. 352 с. [Rostovcev E.A. A.S. Lappo-Danilevskij i peterburgskaya istoricheskaya shkola. Ryazan': NIIR, 2004. 352 s.]
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. То, что прошло. В 2 т. Том первый 1870–1917. М.: Новый хронограф, 2009. 678 с. [Semenov-Tyanshanskij V.P. To, chto proshlo. V 2 t. Tom pervyj 1870–1917. M.: Novyj hronograf, 2009. 678 s.]
- Смагина Г.И. «Достоинным образом представить русскую науку». К 100-летию создания комиссии по изданию сборника «Русская наука» // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 1. С. 9–22 [Smagina G.I. «Dostojnym obrazom predstavit' russkuyu nauku». K 100-letiyu sozdaniya komissii po izdaniyu sbornika «Russkaya nauka» // Sociologiya nauki i tekhnologii. 2016. T. 7. № 1. S. 9–22].
- Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы / Отв. ред. чл.-корреспондент РАН Ю.М. Батурич; ред.-сост. В.М. Орёл, Г.И. Смагина. СПб.: М., 2016. 848 с. [Sud'ba proekta «Russkaya nauka». 1916–1920 (K 100-letiyu Komissii po izdaniyu sbornika «Russkaya nauka»): Stat'i i dokumenty / Otv. red. chl.-korrespondent RAN YU.M. Baturin: red.-sost. V.M. Oryol, G.I. Smagina. SPb.: M., 2016. 848 s.]
- Hirsch F. Secrets d'État de Venise. Documents, extraits, notices at études servant à éclaircir les rapports de la seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la Porte ottomane à la fin du XVe et au XVIe siècle by Vladimir Lamansky // Historische Zeitschrift. Bd. 52, H. 2 (1884), pp. 373-379. (Review)

Малинов Алексей Валерьевич, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; a.v.malinov@gmail.com

Dialogue of generations: A. S. Lappo-Danilevsky and V. I. Lamansky

The article analyses the relationships between two scholars belonging to different generations: V.I. Lamansky, a Slavic Scholar, and A.S. Lappo-Danilevsky, a historian. It is emphasized that they supported two different ideological and philosophical movements: Slavophilism, on the one hand, and Westernism, on the other. At the same time, a general philosophical approach to history was the fact which united both scholars. Lamansky's philosophy of history continued Slavophile historiography and partly anticipated Eurasianist historical conception. Lappo-Danilevsky was rather focused on dealing with theoretical-methodological and epistemological issues of historical scholarship by taking into consideration philosophical ideas proposed by Positivism and Neo-Kantianism. Russian 18th century history became a common research topic of both scholars. The collaboration in the Academy of Sciences Commissions also contributed to the friendship between Lamansky and Lappo-Danilevsky. The author quotes the preserved correspondence of two scholars which allows to trace partly the details of their relationships.

Keywords: Lappo-Danilevsky, Lamansky, history, philosophy of history, university, Academy of Sciences, correspondence, Slavophilism

Alexey Malinov, Dr. Sc. (Philosophy), Professor, St. Petersburg State University; a.v.malinov@gmail.com